

УДК 340.5

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-12

Процесс государствообразования в Закавказье и Дагестане в I тыс. – начале II тыс. н.э.

Ш. Г. Сеидов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

tabaris@yandex.ru

Аннотация. Актуальность и цели. Теория становления государственности нуждается в уточнении за счет выяснения особенностей траекторий государственного развития в различных регионах мира. Это позволит более непредвзято, используя последние данные науки, взглянуть на процесс государствообразования, очистив его от мифов и националистических наслойений. Цель исследования – на примере Закавказья и Дагестана, образующих единое историческое и geopolитическое целое, проанализировать «буферное состояние» данного пространства, позволившее сохранить если не независимость, то по крайней мере государственную автономию среди более сильных соседей. **Материалы и методы.** Исследование опирается на научные разработки отечественных и зарубежных специалистов. В известной мере оно ищет альтернативу и дополнение традиционному марксистскому учению об общественно-экономических формациях, отдавая дань уважения geopolитическому анализу и сравнительному методу. **Результаты.** Отмечается, что волей geopolитических обстоятельств и благодаря преобладанию горного ландшафта в Закавказье и Дагестане было затруднительно формирование устойчивых крупных государств. Они, конечно, время от времени возникали (например, Урарту), но не оставили того влияния, которое было связано с Персидской империей Ахеменидов или Сасанидским Ираном, Византией и Арабским халифатом. Крупные государства (Великая Армения, Кавказская Албания, Колхида, Иберия, Грузинское царство при Давиде Строителе и Тамаре) спонтанно возникали и исчезали, но чаще этот регион находился в состоянии подчинения могущественным соседям или автономии. **Выходы.** Выдвигаемое некоторыми исследователями (например, П. А. Бараненко и В. В. Хапаевым) положение о «буферной зоне» применительно к IX–XII вв. нам кажется не до конца разработанным. Исходя из идеи профессора А. Ю. Саломатина следует оперировать таким концептом, как траектория государственного развития, который следует дополнить другим понятием – «буферная зона» в широком прочтении. В условиях geopolитической горной ситуации региона буферность не несла в себе полного подчинения одному из могущественных соседей, как это было в южнорусских степях, где соседями-конкурентами выступали Россия и Польша. Наоборот, в регионе Закавказья и Дагестана было больше возможностей для автономизации.

Ключевые слова: теория развития государства, траектории государственного развития, Закавказье и Дагестан до монгольского завоевания, Грузия до начала VIII в., Армения до начала VIII в., Азербайджан до начала VIII в., Табаристан и Табасаран

Для цитирования: Сеидов Ш. Г. Процесс государствообразования в Закавказье и Дагестане в I тыс. – начале II тыс. н.э. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 133–143. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-12

The process of state formation in Transcaucasia and Dagestan in the first thousand – the beginning of the second thousand a.d. (comparative study)

Sh.G. Seidov

Penza State University, Penza, Russia

tabaris@yandex.ru

Abstract. *Background.* The theory of statehood formation needs to be clarified by clarifying the specifics of the trajectories of state development in various regions of the world. This will allow us to take a more unbiased look at the process of state formation, using the latest scientific data, clearing it of myths and nationalistic layers. The purpose of the study is to use the example of Transcaucasia and Dagestan, which form a single historical and geopolitical whole, to analyze the “buffer state” of this space, which made it possible to preserve, if not independence, then at least state autonomy among stronger neighbors. *Materials and methods.* The article is based on scientific developments of domestic and foreign experts. To a certain extent, she is looking for an alternative and complement to the traditional Marxist doctrine of socio-economic formations, paying tribute to geopolitical analysis and the comparative method. *Results.* The article notes that due to the will of geopolitical circumstances and due to the predominance of the mountainous landscape in Transcaucasia and Dagestan, it was difficult to form stable large states. Of course, they arose from time to time (for example, Urartu), but they did not leave the influence that was associated with the Persian Achaemenid Empire or Sassanid Iran, Byzantium and the Arab Caliphate. Large states (Great Armenia, Caucasian Albania, Colchis, Iberia, the Georgian Kingdom under David the Builder and Tamar) spontaneously arose and disappeared, but more often this region was in a state of subordination to powerful neighbors or autonomy. *Conclusions.* The position of the “buffer zone” put forward by some researchers (for example, P.A. Baranenko and V.V. Khapaev) in relation to the 9th–12th centuries does not seem to us to be fully developed. Based on the idea of Professor A.Y. Salomatin, we should use such a concept as the trajectory of state development, which should be supplemented by another concept – “buffer zone” in a broad sense. In the context of the geopolitical mountainous situation of the region, buffering did not entail complete subordination to one of the powerful neighbors, as was the case in the southern Russian steppes, where Russia and Poland were competing neighbors. On the contrary, there were more opportunities for autonomy in the Transcaucasia and Dagestan regions.

Keywords: theory of state development, trajectories of state development, Transcaucasia and Dagestan before the Mongol conquest, Georgia before the beginning of the 8th century, Armenia before the beginning of the 8th century, Azerbaijan before the beginning of the 8th century, Tabaristan and Tabasaran

For citation: Seidov Sh.G. The process of state formation in Transcaucasia and Dagestan in the first thousand – the beginning of the second thousand a.d. (comparative study). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):133–143. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-12

Кавказ, который по самым максималистским оценкам включает в себя Закавказье, Северный Кавказ и Предкавказье (т.е. территории современных Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев), составляет

сложное геополитическое пространство, которое соприкасается на Юге с Ближним и Средним Востоком, на востоке – с прикаспийской Центральной Азией, на западе – с Причерноморьем. «Тысячи лет Кавказ составлял либо буферную зону между конкурирующими империями, либо составную их часть» [1 с. 57]. По Дагестану и Восточному Закавказью проходил важный миграционный и транспортный коридор – в южные причерноморские степи и Юго-Восточную Европу [2, с. 65]. Это автоматически повышало стратегическое значение этих земель, а конкуренция крупных держав за эти земли способствовала процессам государствообразования.

Как известно, первым значительным государством в Закавказье считалось царство Урарту (середина IX – начало VI в. до н.э.), хотя на Армянском нагорье согласно мифам и гипотезам значились и другие государственные образования в предшествующие времена начиная с 3 тыс. до н.э. (Аратта, Арманум, Арматана и др.) [3]. Урарту постоянно воевала с главной военизировано-разбойничьей империей Ближнего Востока – Ассирией, жившей за счет военной добычи, но потерпела крах в результате не только ее ударов, но и наступления скифов и киммерийцев с севера и мидийцев с юго-востока.

Последняя столица пришедшего в упадок Урарту – Тейшебаини (близ современного Еревана) пала приблизительно в 585 г. до н.э., и это, скорее всего, было делом рук скифов и киммерийцев [4].

Урарту мы не можем присвоить статус империи, как, допустим, Ассирии или Египту эпохи Нового царства. Но это было достаточно крупное государство на Армянском нагорье.

Само нагорье, которое располагалось преимущественно на территории современной Турции и Армении, но также захватывало северо-западную часть Ирана, юг Грузии и западную часть Азербайджана, включает высоты 1500–3000 м, чередующиеся с впадинами (700–2000 м), некоторые из которых заняты озерами Ван, Севан, Урмия. В пределах нагорья находятся верховья рек Евфрата, Тигра, Куры, Аракса, Чороха и др.

Местные ландшафты, отличаясь разнообразием (альпийские луга, леса, пустыни, плодородные равнины), давали возможность сочетать многие виды хозяйственной деятельности, в том числе и земледелие с помощью искусственного орошения. В то же время здесь были сосредоточены очень важные для наступившего железного века ископаемые.

Крах Урарту предопределил вхождение данных территорий в персидскую империю Ахеменидов в качестве отдельной сатрапии. Империя не только имела беспрецедентные на тот момент размеры, господствуя от Балкан до Инда и от Аральского моря до Ассуана, но и была чрезвычайно рационально организована, в ней поддерживалась развитая инфраструктура и религиозная терпимость. «За исключением Египта, большая часть завоеванных народов в результате всегда принимали ахеменидское господство, не ощущая его как иностранное владычество» [5, с. 47–48].

Во времена эллинизма, т.е. при наследниках Александра Македонского, иностранное влияние меньше чувствовалось в Закавказье, чем ранее [6, с. 418].

Бывший ахеменидский сатрап Армении Ерванд II в 331 г. до н.э. прозвал себя Армянским царем, и с этого времени он и его преемники стали фактически независимыми правителями [7, р. 288]. Зависимость от государства Селевкидов была очень и очень условной. Даже при крайне агрессивном в своем поведении селевкидском монархе Антиохе III Великом (223–187 гг. до н.э.) его усилия подчинить себе различные армянские государства закончились их освобождением.

Наиболее перспективной государственной структурой на рубеже тысячи летий (с конца IV в. до н.э. по 428 г. н.э.) стала Великая Армения. Бывший селевкидский стратег был первым царем этого образования под именем Арташеса I (189 г. до н.э. – 160 г. до н.э.). Его походы на север, восток, юг и запад позволили занять все Армянское нагорье, а его внук Тигран II Великий (95–55 гг. до н.э.) расширил территорию за пределы традиционных армянских границ, завоевав державу Селевкидов и получив от покорных парфян титул «царя царей». Позже он вступил в ожесточенную борьбу с Римом и проиграл из-за войны на два фронта, поскольку римляне привлекли на свою сторону парфян. Тем не менее Великая Армения еще долго сохраняла статус третьей по силе державы после Древнего Рима и Парфии [8]. Она балансируя между Римом и пришедшими на смену парфянам иранскими Сасанидами, а в конце IV в. н.э. была разделена между ними. Тем не менее принятие в начале IV в. н.э. христианства позволило сохранить этническую общность армянскому народу [9, с. 201].

Другим древнейшим государством в закавказско-дагестанском регионе являлась Кавказская Албания, которая в свои лучшие времена включала территорию Дагестана вплоть до р. Сулак и Северный Азербайджан. Государство возникло в конце I тыс. до н.э. и просуществовало до Арабского вторжения, оказывая в том числе сопротивление экспансии Древнего Рима. О военной силе Кавказской Албании свидетельствует Страбон, который утверждает, что в борьбе с Помпеем они выставили 60 тыс. пехоты и 22 тыс. всадников [10, с. 22]. Албанские племена исповедовали язычество, но уже в III–IV вв. н.э. сюда проникает христианство.

Кавказская Албания с середины III в. н.э. оказывается в зоне внимания Сасанидского Ирана – государства, сменившего распавшуюся Парфянскую державу. В нем господствовали рабовладельческие отношения. «Рабов дарили, отдавали в залог, покупали и продавали...». Но «уже существовала, по-видимому, система так называемого “частичного освобождения”, т.е. представление рабу права пользоваться долей произведенного продукта. Часть находилась в собственности общин» [11, с. 94]. То есть в чем-то эти отношения напоминали коммерциализированное рабство Древнеримской империи с посаженными на землю рабами. Но вот владение рабами со стороны общин и государства – это уже чисто сасанидская черта. Вторжение государственной власти в сферу рабовладения также сочеталось с ее религиозным автори-

таризмом: «зороастризм окончательно сложился в догматическую воинственную религию со строго определенным крылом только в сасанидское время. Верхушка зороастриского духовенства была одной из могущественных прослоек господствующего класса и играла важную роль в политической жизни страны» [11, с. 97]. В то же время государство умело использовало религиозный реформизм манихейства, а затем и маздакизма для социального и политического лавирования, в чем не были замечены древнеримские власти.

Уже новые сасанидские властители – Ардашир, Шапур – предприняли походы в западный Прикаспий. Экспансию предприняла и зороастриская церковь, которой противостояло христианство. «Притеснения со стороны сасанидских властей в 449 г. вызвали восстание христиан Кавказа, которые первым делом нанесли удар по резиденции персидского наместника в Дербенте» [12]. Сам Дербент был основан в 438 г. н.э. как крепость, состоящая из расположенной на холме цитадели Нарын-кала и идущих от нее к морю стен, которые запирали узкий (3 км) проход между морем и горами. Этот Каспийский проход служил прежде всего защитой от северных кочевников-скифов, сарматов, аланов, гуннов, хазар.

В Западном Закавказье первыми государствами считаются Колхида на побережье Черного моря и Иберия к востоку от него. Мнение грузинских историков о существовании государства шахов в середине I тыс. до н.э. не является верифицированным [13, с. 216], скорее всего речь идет о зависимости ряда племен от державы Ахеменидов [14]. Вряд ли можно говорить о развитом государстве в этом районе применительно к IV в. до н.э. [15, с. 246].

Формирование Колхиды и Иберии относится к рубежу тысячелетий, когда в этом районе сталкиваются интересы Рима, государства Селевкидов, Великой Армении и Понтийского царства. Для развития Колхиды большое значение имели греческие колонии на черноморском побережье. В организации Иберии значимую роль в постахеменидский период сыграли грузинские племена Картвелов-иберов – на рубеже III–II вв. до н.э. они расширили зону своего контроля и основали столицу – Мцхету.

Фарнаваз I (299–234 г. до н.э.) сумел объединить большую часть исторической Грузии и создал в своих владениях 8 территориальных единиц.

Для Закавказско-Дагестанского региона, как и для всего Ближнего Востока, Северной Африки, Пиренейского полуострова и Центральной Азии, судьбоносное значение имело появление Арабского халифата. В отличие от других завоевателей, арабы с Аравийского полуострова благодаря своей социально привлекательной религии – исламу – сумели осуществить комплексное культурно-цивилизационное обновление завоеванных стран и народов. Для арабов относительно удаленные от их главных центров принятия решений Закавказье и Дагестан являлись периферией, но периферией значимой – особенно район Дербента, контролировавшего проход на север.

Однако первые попытки в середине VII в. утвердиться здесь не имели успеха, в том числе и из-за внутренних распрея в самом халифате. Противостоящая ему Хазария одерживала безусловные победы. Ситуация изменилась

после 720 г. В течение 40 лет наблюдались ежегодные вторжения арабских войск на просторы Северного Кавказа и в глубинные районы Дагестана. И все это происходило на фоне усиления в VIII в. интереса к западному берегу Каспийского моря в связи с активизацией международной торговли из-за прекращения торговых отношений между Халифатом и Византией [16, с. 203].

Однако при династии Аббасидов на фоне усиления налогового гнета и народных восстаний в Хорасане, Средней Азии и Азербайджане арабам уже не до дальнейших походов – тем более что с начала IX в. Халифат начинает рассыпаться, в его различных частях возникают местные династии. «На Восточном Кавказе, в частности в Ширване и Дербенте, также утвердилась власть самостоятельных правителей арабского происхождения» [16, с. 207]. В Дербенте с 869 г. правит династия Хашимидов, в горных районах Дагестана усиливается независимость небольших территорий.

Следует иметь в виду, что в V–X вв. Дагестан не представлял единого этнического целого. На его территории существовало несколько небольших государственных образований: Дербент, Лакз, Табасаран, Джидан, Серир, Хайдак (Кайтаг), Гумик (Кумух), Филан, Зирихгеран и др. По своему составу они были преимущественно моноэтническими единицами [17, с. 70]. Вспомним, например, Табасаран к западу от Дербента. В свое время выдающимся российским знатоком кавказских языков П. К. Усларом была высказана гипотеза, что это название имеет иранское происхождение. Он подчеркивал, что в Табасаране даже в XIX в. было немало селений, жители которых говорили на одном из иранских наречий. На пришлом, иранском происхождении местного этноса, видимо, пришедшего из Табаристана и Исфахана, настаивает и А. К. А. Бакиханов [18]. Все это вполне соответствует практике миграций, добровольных и насильственных переселений, свойственных той эпохе. В то же время история Табасарана после покорения его арабами в VIII в. показывает, что утвердившиеся здесь в его северной и южной части арабские династии военачальников и управителей оказались достаточно стабильными – так, Табасаранское майсумство со столицей в Хучни существовало с X в. до 1813 г., т.е. до вхождения Дагестана в состав России. В соседнем государстве Ширваншахов, обособившемся от Халифата в 861 г., также воцарились наследники аббасидского полководца. Они на рубеже X–XI вв. начали войны с Дербентом, которые длились столетиями.

В то же время в Грузии, которая приняла христианство в IV в. н.э., арабы также приходили, и их главным опорным пунктом до конца VIII в. была Лазика. Ввиду общего соперничества между соседними государствами – Халифатом, Хазарией, Византией, полного влияния над грузинскими территориями никому из них добиться не удалось. Со временем здесь возникли небольшие государства – Тао-Кларджети, Абхазское царство, Картли, Кахети, Эрети. Баграт III (960–1014) – царь абхазов и картвелов – выступил первым объединителем Грузии, но приход турок-сельджуков, расценивших грузин как главное препятствие к завоеванию Кавказа [19, с. 155], затормозил продолжение объединительных процессов. Ситуацию исправил Давид IV Строи-

тель (1089–1125) – тем более что Первый Крестовый поход (1096–1099) отвекло внимание турецкого противника. При нем была взята под контроль большая часть Кавказа: например, он отбил у чужеземцев историческую столицу Тбилиси, захватил земли Армении и Ширвана. Поселив на своих землях 40 тыс. половецких воинов с семьями, покинувших Северный Кавказ, он приобрел дополнительную военную силу. Правление его правнучки – Тамары (1184–1213) – стало «золотым веком» Грузинского царства. Большая часть центральной и южной Армении стала грузинским протекторатом; грузинские войска вторглись в северный Иран. Она была признана царицей от Понта до Каспия и от Спери в верховьях р. Чорох до Дербента [20].

Несомненным рубежом в истории Евразии, а не только в истории Закавказья и Дагестана является беспрецедентная татаро-монгольская экспансия, создавшая суперимперию континентальных масштабов. Это гигантское государство до середины XIII в. сохраняло единство, хотя уже после смерти основателя – Чингисхана – в 1227 г. каждый из потомков получил во владение свой улус. Закавказье и Дагестан попали в сферу влияния Хулагуидов (1256–1353), получивших власть над Ираном. Эта держава с резиденциями на севере Ирана в Тебризе и Султание занимала территорию «от Евфрата на западе до Амудары на востоке и от Черного и Каспийского морей на севере до Оманского залива на юге». Причем «в начале 60-х гг. XIII в. начались затяжные войны, продолжавшиеся с перерывами около ста лет между Джучидами и Хулагуидами. Они велись из-за обладания Азербайджаном, через территорию которого проходили транзитные торговые пути...» [21, с. 253–254]. Ситуацию также запутывало то, что кроме джучидской Золотой Орды в соперничество татаро-монгольских улусов вмешивался еще один из них – государство среднеазиатских Чагатаидов. Все это усиливало общую нестабильность.

При всем многообразии государств Закавказья и Дагестана – больших и не очень – для них все же можно сформулировать некие общие моменты в государствообразовании и развитии. Мы полностью соглашаемся с профессором А. Ю. Саломатиным, что современное состояние науки и истории теории государства и права требует более детализированного описания, чем простой констатации связи того или иного государства с какой-либо общественно-экономической формацией. Во-первых, разнообразие природно-ландшафтных зон весьма велико, и они прямо коррелируются с типом хозяйственного развития. Иными словами, geopolитика определяет экономику. Во-вторых, понятие формаций евроцентрично, оно разработано на западноевропейском материале, что явно, мягко говоря, не всегда подходит для других районов земного шара.

А. Ю. Саломатин рассмотрел в своей статье траектории развития классического европейского Запада, США как первопоселенческого социума и балканских стран с восстанавливаемой после османского господства государственностью [22]. В свете сказанного траекторию развития государственно-

сти в Закавказье и Дагестане мы бы выделили как путь полунезависимого государственного развития в зоне государственно-повышенной турбулентности.

Интересную гипотезу в отношении Закавказья в IX–XII вв. высказывают П. А. Бараненко и В. В. Хапаев [23]. Они формулируют понятие «буферной зоны, состоящей из армянских, грузинских и абхазских государств» применительно к XI–XII вв. По мнению авторов, существование подобных промежуточных, полунезависимых структур было выгодно Византии и, наоборот, их исчезновение благодаря непосредственному включению в состав империи провоцировало столкновения с турками-сельджуками.

Однако мы предлагаем посмотреть на проблему буферных государств и буферных зон намного шире, не ограничиваясь конкретным историческим случаем. Буферное или промежуточное между сильными государствами пространство формируется прежде всего в силу геополитических и геостратегических предпосылок – например, из-за особенностей рельефа, климата, характера соседних государств и их политики. Для Закавказья и тем более для Дагестана преобладание горного рельефа затрудняло строительство крупных государств и тем более империй. В то же время за пределами рассматриваемого региона предпосылки для державного и даже имперского строительства имелись (например, Иран и Византия, Арабский Халифат). Эти сильные внешние игроки конкурировали друг с другом за контроль над буферными образованиями, сочетая обычную аннексию с более завуалированным патронажем.

И все же Закавказье и Дагестан при всем их геостратегически пограничном положении никак нельзя квалифицировать как безгосударственное или протогосударственное «буферное пространство» наподобие южнороссийских степей в XIII–XVII вв. При доминировании здесь горного рельефа и затрудненности коммуникаций важную функцию материального накопления выполняли имевшиеся земледельческие равнины на территории современного Азербайджана и в меньшей степени на территории современной Грузии. Именно они и выступали стержнеобразующими элементами государственно-го строительства и давали возможность в отдельные моменты истории (пусть и ненадолго) создавать достаточно крупные государства (царство Урарту, Кавказскую Албанию, Грузинское царство при Давиде Строителе и Тамаре).

Список литературы

1. Гаджиев К. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Россия и мусульманский мир. 2010. № 2. С. 51–64.
2. Давудов О. М. Прикаспийская торговая дорога в свете исторических источников // История, археология и этнография Кавказа. 2009. № 2. С. 64–80.
3. Армянское нагорье // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Армянское_нагорье (дата обращения: 13.04.2025).
4. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М. : Издательство восточной литературы, 1959. 284 с.
5. Гюиз Ф. Древняя Персия. М. : Вече, 2007. 336 с.

6. Армения в системе держав Александра Македонского и Селевкидов // Всемирная история : в 10 т. / под ред. С. Л. Утченко. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. 898 с.
7. Toumahoff C. *Studies in Christian Caucasian Histori*. Washington, 1963. 385 p.
8. Тигран II // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тигран_II (дата обращения: 15.04.2025).
9. История Древнего мира : в 3 кн. Кн. 3. Упадок древних обществ / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М. : Наука, 1989. 406 с.
10. Гасанов М. Р. Кавказская Албания – древнейшее государство на территории Кавказа // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 21–27.
11. История стран Азии и Африки в средние века : в 2 ч. М. : Изд-во Московского университета, 1987. Ч. 1. 286 с.
12. Гаджимурадов М. Т. Сасанидская экспансия в Западный Прикаспий в раннем Средневековье // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-1. С. 132–136.
13. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : Академкнига, 2003. 591 с.
14. Болтунова А. Н. Колхи и держава Ахаменидов // Проблемы античной истории и культуры. Ереван : Издательство АН АрмССР, 1979. 548 с.
15. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М. : Наука, 1982. 312 с.
16. Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана. Махачкала : ДНЦ РАН, 1996. 462 с.
17. Гасанов М. Р. Дагестан – зона встречи цивилизаций (древность и раннее Средневековье) // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 68–72.
18. Табасаран // Википедия. URL: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Табасаран> (дата обращения: 13.04.2025).
19. Папаскири З. Об одной загадке в грузино-сельджукских взаимоотношениях накануне Манцикертского сражения // Кавказ и глобализация. 2013. Т. 7, вып. 3–4. С. 150–162.
20. Тамара (царица) // Википедия. URL: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Тамара_\(царица\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Тамара_(царица)) (дата обращения: 14.04.2025).
21. Коновалова И. Г. Средневековый Восток. М. : АСТ : Астрель, 2008. 494 с.
22. Саломатин А. Ю. Траектории эволюции государственности (на примере западноевропейских стран, США и балканских государств) // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. № 2. С. 40–46.
23. Бараненко П. А., Хапаев В. В. Буферные государства как инструмент внешней политики Византии на Востоке в IX–XII вв. // Современная научная мысль. 2023. № 2. С. 20–29.

References

1. Gadzhiyev K. Ethnonational and geopolitical identity of the Caucasus. *Rossiya i musulmanskiy mir = Russia and the Muslim world*. 2010;(2):51–64. (In Russ.)
2. Davudov O.M. The Caspian trade route in light of historical sources. *Istoriya, arkeologiya i etnografiya Kavkaza = History, archeology, and ethnography of the Caucasus*. 2009;(2):64–80. (In Russ.)
3. Armenian highlands. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Armyanskoye_nagorye (accessed 13.04.2025).
4. Piotrovskiy B.B. *Vanskoye tsarstvo (Urartu) = Kingdom of Van (Urartu)*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoy literatury, 1959:284. (In Russ.)

5. Guyiz F. *Drevnyaya Persiya = Ancient Persia*. Moscow: Veche, 2007:336. (In Russ.)
6. Utchenko S.L. (ed.). Armenia in the system of powers of Alexander the Great and the Seleucids. *Vsemirnaya istoriya: v 10 t. = World history: in 10 volumes*. Moscow: Gos-politizdat, 1956;2:898. (In Russ.)
7. Toumahoff C. *Studies in Christian Caucasian Histori*. Washington, 1963:385.
8. Tigran II. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tigran_II (accessed 15.04.2025).
9. Dyakonov M., Neronova V.D., Sventsitskaya I.S. (eds.). *Istoriya Drevnego mira: v 3 kn. Kn. 3. Upadok drevnikh obshchestv = History of the Ancient World: in 3 books. Book 3. The decline of ancient societies*. Moscow: Nauka, 1989:406. (In Russ.)
10. Gasanov M.R. Caucasian Albania is the oldest state on the territory of the Caucasus. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki = Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities*. 2014;(4):21–27. (In Russ.)
11. *Istoriya stran Azii i Afriki v sredniye veka: v 2 ch. = History of the countries of Asia and Africa in the Middle Ages: in 2 volumes*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1987;(part 1):286. (In Russ.)
12. Gadzhimuradov M.T. Sasanian expansion in the Western Caspian region in the early Middle Ages. *Gumanitarnyye, sotsialno-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2014;(6-1):132–136. (In Russ.)
13. Shnirelman V.A. *Voyny pamyati: mify, identichnost i politika v Zakavkazye = Memory wars: myths, identity, and politics in Transcaucasia*. Moscow: Akademkniga, 2003:591. (In Russ.)
14. Boltunova A.N. Colchians and the Achaemenid Empire. *Problemy antichnoy istorii i kultury = Issues of ancient history and culture*. Yerevan: Izdatelstvo AN ArmSSR, 1979:548. (In Russ.)
15. Yaylenko V.P. *Grecheskaya kolonizatsiya VII–III vv. do n.e. = Greek colonization of the 7th – 3rd centuries a.d.* Moscow: Nauka, 1982:312. (In Russ.)
16. Gadzhiev M.G., Davudov O.M., Shikhsaidov A.R. *Istoriya Dagestana = History of Dagestan*. Makhachkala: DNTS RAN, 1996:462. (In Russ.)
17. Gasanov M.R. Dagestan – a meeting point of civilizations (ancient and early medieval). *Nauchnaya mysl Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*. 2017;(1):68–72. (In Russ.)
18. Tabasaran. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Tabasaran> (accessed 13.04.2025).
19. Papaskiri Z. On one mystery in Georgian-Seljuk relations on the eve of the Battle of Manzikert. *Kavkaz i globalizatsiya = The Caucasus and globalization*. 2013;7(3–4): 150–162. (In Russ.)
20. Tamara (queen). *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Tamara-\(tsaritsa\)](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Tamara-(tsaritsa)) (accessed 14.04.2025).
21. Konovalova I.G. *Srednevekovyy Vostok = Medieval East*. Moscow: AST: Astrel, 2008:494. (In Russ.)
22. Salomatin A.Yu. Trajectories of the evolution of statehood (by the example of the Western European countries, the USA, and the Balkan states). *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*. 2024;(2):40–46. (In Russ.)
23. Baranenko P.A., Khapayev V.V. Buffer states as an instrument of Byzantine foreign policy in the East in the 12th–13th centuries. *Sovremennaya nauchnaya mysl = Modern scientific thought*. 2023;(2):20–29. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Шахрутдин Гаджиалиевич Сейдов

доктор политических наук,
профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: tabaris@yandex.ru

Shakhrutdin G. Seidov

Doctor of political sciences, professor
of the sub-department of state and law
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 23.05.2025

Принята к публикации / Accepted 20.07.2025